
Будь моей ведьмой

Избушка на курьих ножках... другая, не моя. Лиса огромная, ростом с человека, а потому в зеленом сарафане и такого же цвета кокошнике, осторожно поправляет покрывало, укутывая меня. Две Яги за столиком с чаем, тихо шепчутся обо мне... Я, свернувшись калачиком, лежу на лавке, глотая слезы... Глупо, да?!

«— Ты для меня ничего не значишь!

— Но почему тогда ты плачешь? Почему тогда ты плачешь?

— Я для тебя ничего не значу.

— Но почему тогда я плачу, почему тогда я плачу?»

Вот так и я сейчас! Он ведь не играл, ему было больно. И я с огромным сожалением вынуждена признаться самой себе — мне тоже очень больно. Сердце словно медленно рвется на части...

Что меня ждало бы со Стужевым — постель однозначно, инициация в ведьму или чего он там хотел, и няшка эта издевательская... Ведь ничего хорошего... совсем. Тогда объясните мне кто-нибудь, что со мной творится и сколько можно беззвучно плакать?! Тот самый случай, когда душа требует забыть о разуме и обстоятельствах... А разум настойчиво твердит холодную, жестокую, болезненную правду.

— Маленькая, — старшая баба Яга присела рядом, — хватит себя терзать. Нельзя было иначе, понимаешь, нельзя.

Я понимаю... я все понимаю... он сволочь, просто сволочь, я понимаю...

— Уже вечером ты будешь дома, с мамой, папой и Ромочкой.

Слезы потекли быстрее.

— Хочешь остаться?

Отрицательно мотнула головой.

— Маленькая, — ведьма осторожно погладила по мокрой щеке. — Не грусти, Риточка, коли судьба вам вместе быть, так хоть знать будет, ирод бессмертный, что дорога ты ему.

Слезы высохли. Мгновенно. «Коли судьба вам вместе быть, так хоть знать будет, ирод бессмертный, что дорога ты ему»? Недоверчивый взгляд на бабу Ягу, женщина улыбнулась в ответ.

— А я дорога ему? — тихий вопрос.

— Больше, чем он тебе. — Яга улыбнулась.

— А...

— Чай? — перебила меня ведьма.

— Малиновый? — шепотом спросила я.

— Мятный, с малиновым вареньем и пирожками.

— Пицца? — все так же шепотом.

— Да мы вернуться не успели, как съели ее и три следующие, пока ты плакала.

— Зззвери бессовестные! — Я села, подтянула колени к подбородку.

Яга поднялась, взяла чашку и, вернувшись, протянула мне. Мятный чай удивительный напиток — теплый, когда пьешь, оставляющий вкусный холодок во рту, едва сглотнешь, и очень мысли прочищающий.

— Маленькими глотками и не спеши, — посоветовала Яга.

Я и пила — очень медленно, неспешно, задумчиво глядя на притихшую печку... не мою, моя мне казалась

симпатичнее. Хотя однозначно побелить нужно, а то чу-мазая совсем. И вообще ремонтник сделать и занавесочки поменять, и...

— Ты приходишь в себя, — с улыбкой сказала Яга.

— В смысле?

Ведьма забрала у меня уже пустую чашку, взяла зеркало со стола и дала мне. Осторожно повернула зеркальной поверхностью, взглянула на себя и перестала дышать — белая, молочно-белая кожа, черные изогнутые брови, длиннющие смоляно-черные ресницы, пушистые, длинные и густые, как накладные; темно-зеленые глаза, розовые, припухшие после всех рыданий губы, ну нос тоже красный, куда ж без этого... Я — красавица. Удивительная, потрясающая и причем абсолютно без косметики!

— Очень красивая, — подтвердила Яга.

Из темно-зеленых глаз покатались слезы.

— Ну что такое? — Она осторожно забрала зеркало.

А я...

— И кто я теперь? — вопрос дался с трудом. — Ведьма?

— Ты? — добрая улыбка. — Ты Маргарита Ильева на Земле и двенадцатая Яга на Терре. Избушка и нечисть сказочная в твоём хозяйстве остаются, и ты нужна им, Рита. Очень нужна.

— Я же на Земле буду, — напомнила едва слышно.

— Терра — твой дом, огонь — твоя стихия, коснись огня и подумай о доме — печь перенесет на Терру, домой или куда пожелаешь.

Удивленно смотрю на печь. Надо же — портал, а еще пироги печет.

— Так вот почему печка есть в каждой избушке, — догадалась я.

— Не только. — Яга смотрела на меня с такой доброй улыбкой, словно родная любимая бабушка, не осуждая

и не поучая, просто принимая такой, какая я есть. — Но именно очаг хранит силу твоего огня. — Она снова погладила по волосам. — И огонь в твоей печи должен гореть всегда.

Запихаю в нее с десяток зажигалок на всякий пожарный.

— А чего еще у меня в хозяйстве любопытного? — поинтересовалась я.

— Все, — просто ответила Яга.

— Так, а шабаши устраиваем? — Мне стало все интересно.

— Собственно, мы — нет, но от приглашений ведьминских не отказываемся и на Лысую гору летаем. Опять же с чертями поговорить бывает полезно.

— Ага. — Я задумалась и продолжила допрос: — А учиться магии я буду?

— Конечно. — Улыбка Яги становилась все шире. — Кот Ученый к тебе недаром приставлен, а на совете экзамены устраивать станем, как и полагается. Чтобы в круг войти, долго учиться нужно.

Ой, мля-а-а-а!

— И сколько мне грызть гранит науки? — спросила осторожно.

— Ты у нас смышленная, — начала с комплимента ведьма и добила: — лет за сто справишься.

— Что? — взвизгнула я. — Люди столько не живут, честно!

Яга весело расхохоталась. А отсмеявшись, огорошила меня:

— На Терре ты бессмертна и у тебя всегда будет тот возраст, в котором ты Ягой стала. На Земле если останешься, постареешь, но, возвращаясь сюда, каждый раз будешь терять печать времени.

— Ой...

— Не удивляйся. — Снова такая добрая улыбка. — Это всегда очень забавно наблюдать, как дряхлая старушка, остающаяся на Земле исключительно ради правнуков, которым непременно нужно помогать, ступает на Терру задорной девчонкой.

— А потом умирает? — едва слышно спросила я.

— На Земле — да, здесь — нет. Мы живем очень, очень и очень долго.

— И?.. — Нет, спросить я не смогла.

Но Яга каким-то немыслимым образом поняла мой вопрос и спокойно ответила:

— Большая часть из нас — уже коренные жительницы Терры, но четверо, как и ты, совмещают две жизни.

Грустно как-то стало.

— Кстати, шабаш совсем скоро, хочешь с нами?

Конечно, я сказала «Да!». Но жестоко со стороны Яги было сообщить:

— Только если сдашь первый экзамен.

Млин!

— И при условии, что ты не будешь связываться с младшим Кощеем.

Трижды млин!

Вообще о Стужеве вспомнила зря... сразу слезы на глазах.

— Ты очень сильная Яга, Рита, но до первого экзамена ты беззащитна, — наставительно произнесла ведьма. — А пока не научишься защищать себя, не стоит встречаться с теми, кто беззащитностью воспользуется.

Очередная истина от бабы Яги.

— Я бы оставила тебя здесь, пока не научишься, — продолжила ведьма, — но твое сердце рвется домой. Мое будет разрываться от тревоги, да только удерживать тебя я не в праве.

Я с благодарностью кивнула и тихо спросила:

— Моя идея с армией пойдет?

— Она гениальна, — похвалила Яга. — Регулярная армия — идеальный вариант для защиты территорий. Белочки и ежи — сами по себе достаточно опасны, но волкодавы и драконы превращают армию Терры в реальную угрозу. Так что до твоего посвящения мы не просто протянем, мы сумеем покинуть болота. Не все, правда, твоя избушка и избушки еще четырех ведьм останутся здесь.

— Почему?

— Когда вы возвращаетесь на Землю, они уязвимы, — пояснила ведьма.

— Ага. — Глубокомысленное замечание.

Впрочем, меня посетила не менее глубокая мысль.

— О чем задумалась? — поинтересовалась ведьма.

— О том, что все маленькие бабки Ёжки должны начинать карьеру с шалости, — откинула покрывало, вскочила, потянулась и, разминая шею, добавила: — К тому же ничто так не успокаивает нервы, как шопинг, вот. Я это, возьму драконов пока, вы не против?

— Нет. — Яга с улыбкой смотрела на меня. — Далеко собралась?

— Недалече, — призналась я. — На границу, потом домой.

* * *

Ограбление века... в смысле няшек.

Действующие лица:

Я — главный вор.

Кот Ученый — подстраховка.

Стая гусей-лебледей — на стреме.

Лиса Патрикеевна — дополнительная страховка для стрема.

Серый Волк — взломщик.

Орда драконов, затаившихся в кустах, — наше прикрытие.

Воинственные Белки на подхвате.

Великие Боевые Ежи в засаде, на другой стороне моста.

Место действия: опушка сказочного леса.

— Повторяю, — громко шепчу братьям-налетчикам, — я даю сигнал, Серый Волк указывает место, Лер Огненнокрылый выжигает нам проход.

— А я смогу? — спросил дракон с придыханием.

— Драконье пламя может практически все, и уж тем более дыру вырезать вам проще простого. В крайнем случае выбьешь стекло.

— Мы, мы выбьем! — раздается тоненький рев.

— Марш на позиции, — шепотом командую белкам.

Два бойца, поправив каски, поверх бандан надетые, потопали к лесу. От уходящих белочек донеслось:

— Злитесь, мля...

— Ведьмы — они все такие, наша еще хорошая, — авторитетно ответила вторая.

И вот как объяснить моему воинству, что, глядя на два пушистых удаляющихся хвоста, постоянно хихикать хочется. А эти себе еще и каски придумали — нашли где-то гигантские орехи, теперь ломают и скорлупки в зеленый цвет перекрашивают. Улучшают снаряжение, в общем. А волкодавы им завидуют и тоже каски хотят!

— Не отвлекаемся, — скорее себе, чем остальным, сказала я. — Итак, Лер Огненнокрылый выламывает окно, дальше — по схеме. Сгребаем, завязываем в тюки, тащим в избушку и там ждем меня.

— Долго? — спросил Серый Волк.

— Что «долго»? — не поняла я.

— Ждать?

— Ну... день, может, два... Не, один день, — решила я.

— Понятненько. — Кот Ученый прикрыл глаза и протянул: — Писса...

— Иродушка за балычком поехал, — продолжила Лисичка.

— Гад Змеевич за сырами. — Волк мечтательно погладил себя по пузику.

— Быстро вернусь, — решила я. — И начнем ремонт избушки!

— Ыыы... — застонало мое воинство.

Вот ленивые, все в хозяйку.

— Все, я пошла, — сообщила зверям и решительно вылезла из кустов.

Дом я обошла совершенно спокойно, вошла тоже без проблем — дверь, правда, тихо скрипнула. В домике не оказалось никого! Совсем. Ни няшек, ни Георгия Денисовича, ни даже темных, и потому я успокоилась и приступила к исполнению задуманного.

Пройдя по коридору, подошла к двери в кладовке. Секунда, вторая — и я уверенно вошла. Ни тебе сигнализации, ни воя, ни даже дверного скрипа. А вот за дверью — Копи царя Соломона на фольклорно-сказочный манер!

Но я не стала хватать все подряд, я поступила умнее — прошла через всю кладовую, подошла к стеночке и осторожно по ней постучала. С другой стороны раздался ответный стук, но левее. Стучу снова — ответный стук приблизился. Еще стучу — и вуаля: волчик постучал совсем рядом. Ударяю кулаком со всех сил и торопливо отхожу.

И вот я где-то читала, что у драконов пламя бывает разное — но чтобы увидеть воочию... Такое впервые! В общем, это было узконаправленное пламя, и этим огнем дракон вырезал аккуратный круг, в метр диаметром примерно, собственно, в бревенчатой стене. И когда обугленный по краям кругляш отвалился, Лер, оскалив пасть зубастую, спросил:

— Как?

— Ух, здорово! И аккуратно так!

— Старался, — скромно ответил дракон. — А окно вышибать будем?

— Да незачем уже, — я улыбнулась. — Ну, начали.

И мы начали полный, основательный и конкретный вынос всего имущества фэнтезийных няшек. Сначала я таскала все и передавала, потом... Да запарилась я! Тут столько наворованного оказалось. В итоге мы закрыли дверь, ведущую в домик, и белки приступили к планомерному выносу имущества. Мечи складывались в шелка и бархат, плотно упаковывались, связывались на манер вязанки. Через час у нас были нагружены все драконы, и стало ясно, что Волк, Лиса и Кот полетят домой на метле — посадочных мест для них не осталось, так как четырех драконов предусмотрительно оставили для перевозки Воинственных Белок и Боевых Ежиков. А не прихватизированными оставались доспехи какого-то воина, и я бы их бросила, но Кот Ученый важно сказал:

— Надо брать.

— Они волшебные? — оглядывая опустевшие полки, спросила я.

— Нет, — не стал врать котяра, — но мне воровать понравилось.

Ворюга, подвид — начинающий, диагноз — уже запойный.

Чему я народ учу?

— Ну если сам потащишь, можешь брать, — я вообще очень добрая баба Яга.

Сказочная интеллигенция недоверчиво глянула на меня и ележно так:

— Волк, брат, подь сюды.

Через пятнадцать минут перегруженная метла, скрипя и вихляя, уносила в горизонт Лису, Кота и закованного в броню Волка. Кот оказался жмотом и уволок даже занавески с окна и запас мыла из душевой. Лисичка была более прагматичной и вынесла все скатерти-само-

бранки, обнаруженные в домике. Белки втихаря от меня зажилили пиво. Застукала только в момент взлета дракона — бутылки, уволоченные вместе с ящиками, звякали очень характерно. Молча погрозила белкам кулаком, в ответ раздалось шепотом восторженное «Мля-а-а». Шепотом, потому как инструктаж перед делом был четким и ясным — не орать, говорить только тихо.

Ежи в дележе добычи не участвовали, на стреме были, но, судя по взглядам на белок... пиво хвостатым придется делить на всех.

В итоге дом был чист, пуст и готов к ремонту. На линии горизонта исчезали черные точки — мое улетающее воинство. У меня под мышкой имелась книга, которую выдал мне Кот, со словами «Прилетишь — проверю». Что проверит, не конкретизировалось, но я так поняла, что и меня, и книгу, и вообще все.

И вот я стою, все улетели, грустно так... А черные точки почему-то сменились черными смерчами. Тремя огромными черными смерчами, которые, сверкая молниями, приближались на невероятной скорости...

Несколько секунд тупо смотрела на выверты природных явлений... Затем начало доходить... А потом стало поздно!

Огромный вихрь, оглушительно прогремев, застыл на мосточке взбешенным Демоном. Тот, которого я считала Игнатом, замер изваянием ярости. Потемневшая кожа, заостренные уши, тугой хвост иссиня-черных длинных волос, высокий ворот плаща — длинного черного с резким орнаментом по подолу. Одежда странная — черная с зелеными рунами рубашка до середины бедра, зауженные брюки, высокие сапоги. А еще откровенно пугали его унизированные черными кольцами руки с длинными когтями. Короче, он не няшка, он этот, Монстр Най... Хотя тоже нет, те добрые, а этот просто-таки Обитель Зла, но в стиле аниме.

— Рита... — голос у этого Игната был низким, глубоким, бархатным даже.

— Игнат, — мило улыбаясь, тоже сказала я.

Бежать все равно смысла не было — эти вмиг догонят, но план спасения имелся: в домик, через дырку в стене, в лес, пробежка, дверь, выход на Землю. Нет, теоретически был еще шанс с зажигалкой, но предварительно надо было бы хоть почитать про телепортацию, а я все время на вынос няшенского имущества потратила. Два смерча приблизились к мосту, но вмешиваться темные не стали, продолжая косить под природное явление.

— Рита, — почему-то снова повторил Демон.

— Игнат. — Что, ему можно, а мне нельзя?

— Рррита! — Раскосые, абсолютно черные глаза начали яростно сужаться.

Ну и надоело мне все это, а потому нагло поправила гордым:

— Между прочим, уже Яга!

Но вместо адекватного чего-либа, Игнат снова прорычал:

— Рррита!

Заклинило его, что ли? В любом случае с этим пора было заканчивать, а потому спокойно интересуюсь:

— Что?

И темный успокоился. Мгновенно. Прямая спина, расправленные плечи, взгляд свысока. Уау, какие мы гордые.

— А, я поняла, — тяну ехидно, — это тебя после природной стихии заклинило, вот ты и повторял бесконечно «Рита».

Деградация в обозленного монстра в рекордно короткие сроки была продемонстрирована тут же.

И тут прозвучало:

— Дайрем, несомненно, в ведьмах есть что-то особенное, загадочное и притягательное, но не забывай о цели

нашего появления. — Глубокий голос урага Херарда я узнала.

Улыбнулась и весело сказала:

— Здравствуйте.

Черный смерч мгновенно обратился уже знакомым мне темным, и мужчина отвесил полуироничный поклон. Не менее иронично сделала книксен. Несмотря на позерство, мне откровенно жутковато стало.

Ну и понесло почему-то:

— Убивать меня будете? — невинно поинтересовалась я.

Ураг улыбнулся, укоризненно покачал головой и произнес:

— Рита-Рита, в женщине должна быть тайна, загадка, интрига, а прямолинейность вас совершенно не красит.

Нормально! Но ничего, собрались, мило улыбнулись, вежливо ответили.

— Понимаете, — кокетливо хлопая длиннющими ресничками, начала я, — тайна — это прекрасно, но не тогда, когда имеешь дело с темными, чьи мотивы еще темнее, чем они сами.

Получи фашист гранату! В смысле: жри чеснок, вампирюга... Нет, опять не то.

— Мм, сколь изысканный комплимент. Рита, вы меня восхищаете.

И он так это сказал, с такой интонацией, что волосы я поправила, как-то совсем не задумываясь, а еще почему-то вспомнила, что на мне надето, и... Это что сейчас было?! Это мне хочется нравиться темному?!

— Что-то не так? — участливо осведомился ураг Херард.

— Впервые почувствовала себя настоящей женщиной, — откровенно призналась я.

— Скорее желанной, — с намеком произнес он.

Щеки опалило жаром. Опытный, обаятельный злодей-обольститель — убойный коктейль! Ему бы тренин-

ги по пикапу вести. А потом в сознании вспыхнула цепочка — жар — жар-птица — мост. И главное, помнила же про мост, мы потому тут на драконах и летали, чтобы на него не становиться, но вот почему Демон стоит и мост не шелохнется? Или потому что он на нем сразу оказался, а жар-птица как-то по-другому закодировала? В общем, я подумала, что идеальный способ проверить уравнение, это сложить 1+1 и таким образом...

Мило улыбнулась урагу Херарду. Тот не менее мило улыбнулся мне и спокойно спросил у Демона:

— Просканировал?

— В доме пусто, в окрестностях никого. Инициация Яги не завершена, защиты на ней никакой, ведьмой не является и уже не будет.

— Да? — с некоторой долей ленивого удивления переспросил ураг Херард. — С первого взгляда подумал, что вы, Рита, особенная девушка. Не ошибся.

— Да? — в свою очередь удивилась я.

А вообще стою тут как дура, а меня уже и просканировали, и все заценили, и похвалить успели. Темные — одним словом. И ведь знаю уже, что эти вообще ничего, совсем ничего просто так не делают! Вот и этот пока мне зубы заговаривал, Демон все просканировал — сканер анимешный!

Короче, у меня остается два варианта, начнем использовать оба.

— Ураг Херард, — держим улыбку, — можно вас на пару слов?

Ураг удивленно изогнул бровь, но направился ко мне. Демон изобразил предупреждающий жест, и темный остановился, так и не вступив на мост. Сам Игнат старательно хмурился, словно силился что-то понять и никак не мог.

— Кстати, вопрос, — с самым невинным видом продолжила я, — а вы женаты?

На лице урага отразилась победная усмешка, и он тихо произнес:

— Дайрем, придется тебе уступить старшим.

Игнат хмуро взглянул на меня, хмыкнул и так же негромко ответил:

— Не придется.

Капризно надув губки, я требовательно позвала:

— Ураг Херард!

Темный торжествующе взглянул на Игната и шагнул на мост.

Это было сравнимо с фейерверком! Не знаю, как жарптица зачаровала мост, но сработало просто потрясающе! Мост вспыхнул огнем, затрещал, заискрил и... взорвался сказочным фейерверком, распугав всех птиц в округе! Ну и одну Ягу, которая опрометью бросилась к домику.

Бежала я очень быстро, памятуя о третьем темном, который тоже не стоял на месте и гудящим черным смерчем рванул мне наперерез!

Я врзалась в него с размаху. Влетела, больно ударившись лбом в твердокаменный живот, от удара отлетела и шлепнулась прямо на тропинке. А темный... темный перестал быть смерчем и застыл, потрясенно глядя куда-то за меня. Подхватив оброненную книгу, я вскочила, повернулась к зрелищу, потрясшему темного, и... снова выронила многострадальный учебник магии.

Потому что из речки вылезало двое! Двое мокрых, злющих, в обгорелой одежде... блондинов! Золотые кудри рассыпались по плечам, белоснежная кожа сверкала на солнце, небесно-голубые глаза от офигея округлились. И ураг Херард, и бывший Игнат стояли и в полном шоке смотрели друг на друга, причем обоим явно мешал ореол сверкающих, выющихся завитыми локонами волос! И мускулатура у них так сказочно набухла, и вообще, если бы не прически, то вылитые богатыри! Бород не хватало...

В следующее мгновение глаза у темных округлились еще больше, потому что у обоих бывших темных в местах, где все было выбрито до скрипа, полезла выющаяся мелкими спиральками золотисто-рыжая борода! Так вот откуда брались богатыри былинные, которые могучие и всех круче!

Но любоваться превращениями темных было бы глупо! Я нагнулась, вновь подхватывая книгу, выпрямилась и рванула, в надежде обогнуть темного. В следующее мгновение поняла, что напрасно переставляю ноги! У темных реакция оказалась просто уж, и, несмотря на шок, третий умудрился схватить меня за шиворот и удерживать, пока два его сотоварища обрастали бородами.

— Не так быстро, — насмешливо сказал мне монстр, продолжая держать на весу.

— Да куда уж медленнее, — прохрипела я, душаемая воротом рубашки.

Темный отпустил, развернул спиной к себе и резким движением намотал мои волосы на кулак — свой, блокируя даже попытку пошевелиться. И мне оставалось только смотреть, как оба русских бородатых богатыря вспыхнули черным огнем и снова стали темными — Херардом и Дайремом. А затем разом посмотрели на меня...

— И пришел мне Шаман Кинг, — простонала перепуганная я.

— В смысле? — зло спросил ураг Херард.

— В смысле умру, стану призраком и возглавлю против вас призрачное войско, — изрекла я туманное подобие угрозы.

Темные разом усмехнулись, и бывший Игнат произнес:

— В ближайшие лет пятьсот подобное нам не грозит.

Вспомнила слова Стужева про то, что темные свои игрушки любят и жизнь им продлевают лет на пятьсот.

Поняла, что Кощеевич не врал! Стало плохо... совсем. И жутко очень и...

— Что за..! — Ураг Херард вдруг обернулся, потирая затылок.

Рука темного, сжимающего мои волосы, сжалась, заставляя вскрикнуть. В следующее мгновение кто-то вскрикнул... не я.

— Какого..?! — Дайрем тоже оглянулся, и тоже потирая голову.

«Белочки?!» — мелькнула надежда.

— Это... это что?! — зарычал темный, меня удерживающий, потирая... пусть будет бедро.

А затем разом и из-за всех кустов раздалось:

— В атаку!

И на ошалевших темных помчались... грибочки! Терра не дремлет! Окрыленная поддержкой, я со всей силы ударила темного по коленке, и едва тот, захрипев, выпустил из захвата мои волосы, рванула к домику. Бежала — как никогда в жизни не бегала. И, едва вбежав, заперла двери, заорала грибочкам:

— Отступаем!

Пискающие голосочки оборвали меня торжествующим:

— Огонь!

Выглянула в окошечко и замерла — есть такие грибы-вонючки, наступишь на него, он лопнет и такая гнильца серовато-синяя облачком разойдется. Так вот то на Земле, а тут грибы атаковали темных струями направленного гнилого потока! Не хватало только выкриков «Пли!».

Темные были в ступоре секунд тридцать, но едва приготовились дать отпор, грибы бросились прочь, смешно подпрыгивая и разбегаясь в разные стороны. И были тут и белые, и поганки, и мухоморы, и лисички, и даже опята! И... трое взбешенных темных помчались к дому.

И я поняла, что не успею! Не успею, и все! Эти и в лесу догонят. Мне нужен огонь, срочно!

Рванула к нашей кухне, вбежала и начала торопливо искать спички. У них тут самовар был, не электрический. Значит, должны быть спички, или зажигалка, или...

Дверь рухнула, прежде чем я даже взглядом успела осмотреть помещение. Затем раздалось:

— Карра эш, ураг Херард, уэре, морак Усар, дэкье.

Вот жешь мля — одним словом! Я постаралась дышать, просто дышать, а еще двигаться беззвучно. А потом мой взгляд упал на скатерть-самобранку, каким-то образом не замеченную моим вороватым воинством. Хотя сразу ясно почему — она была грязная, скомканная и валялась в углу. Торопливо хватаю скатерку, расстилаю прямо на скамье, прячась за столом, и слышу, как запахнулась дверь. Темный!

Торопливым шепотом начинаю упрашивать:

— Скатерть, миленькая, пожалуйста, дай свечк...

Тяжелые ладони легли на мои плечи, вынуждая вздрогнуть. Темные двигались бесшумно, вот его и не услышала.

— Усар? — предположила я.

— Морак Усар, — подтвердил темный, и пальцы с когтями прошлись по моим плечам, коснулись шеи осторожными поглаживающими движениями.

Вдох, выдох и не дрожать, Ритка! Мля, как страшно...

— А... что вы делаете? — спросила слабеющим голосом.

— Мм, еще ничего, — протянул темный.

Пуговица расстегнулась сама, за ней вторая, рубашка соскользнула с плеча. Меня затрясло, но держусь и едва слышно так:

— Скатерочка, миленькая, пожалуйста, дай именинный пирог с... — запнулась, — девятнадцатую свечечками, а? Отпразднуем начало моей взрослой жизни.

Темный захохотал. Смех был громкий, издевательский и с нотками торжества.

— Нашел? — раздалось из дома.

— Да, — ответил морак Усар.

— Пожалуйте, — сказала скатерка.

И прямо на расстеленной на скамье ткани появился торт! С кремом, сливками взбитыми, шоколадкой присыпанный и девятнадцатью зажженными свечами! Я слышала, как приближаются Дайрем и ураг Херард, точнее, переговоры на языке темных, смех, едва те вошли в столовую... Я все слышала, но смотрела на огонь, танцующий на фитиле ближайшей ко мне свечи. Голодной змеей рука метнулась к свечке, пальцы второй коснулись огня, и, закрыв глаза, я прошептала:

— Печка, печка, печка, печка... — старательно представляя себе печку в избушке, а еще почему-то подумалось, что прав был Стужев...

* * *

Рев пламени!

Треск!

И тишина...

Понимаю, что все еще держу свечку и палец левой руки лижет теплый язычок пламени. Обоняния коснулся запах водки и малины... Я медленно открыла глаза.

Чтобы встретиться с округлившимися от удивления глазами Навьего бога!

И если бы он тут был один — паника накатила, едва я поняла, что присутствующих в деревянной горнице Кощеева дома много — по правую руку от Яна сидела Снегурочка, а с ней рядом Марья Кощеевна, а еще имелось двое мужчин и два пустых места... И стол к обеду накрытый, вот только посуда черная вся! А из глубины дома донеслось смутно знакомое хриплое:

— Я должен найти ее тело!

— Коша, это бессмысленно. — Голос Кощея-старшего узнала сразу. — Она мертва, и точка! Хватит, Александр. Давай мы просто успокоимся, выпьем...

— Я НЕ ХОЧУ ПИТЬ! — Крик, от которого затряслись стекла. А следом почти стон: — Я должен найти ее тело... Меня убивает мысль, что кто-то будет ее касаться... Что ее может выбросить порталом на свалку... Что по ее телу будут ползать че... — Голос сорвался.

У меня внутри тоже что-то оборвалось, больно так стало, даже вдохнуть больно.

— Ей уже все равно, — резонно заметил Кощей.

— Мне не все равно! — снова сорвался на крик Стужев.

И я сорвалась, на это уже просто не хватило моих нервов! Я не знаю, чьих нервов хватило бы, но не моих! Мои сдали! Окончательно и полностью! Мои готовы были лезть на амбразуру, прыгать с гранатой под танк, вступать в конфликт с гопниками, сдавать сессию экстерном и бить морду темным, только бы не слышать отчаяния в голосе вечно издевательски-надменного Князя. Отчаяния, которое убивало меня вопреки всем словам старшей Яги, вопреки доводам разума, вопреки всему, что я не знала о себе. А я не знала, не могла знать, не гадалась даже, что его боль будет рвать меня на части!

И, наплевав на собственную безопасность, просто заорала:

— Да живая я, Стужев! Живая, понял?!

В следующую секунду единственный звук, раздающийся в этом доме, был звуком моего тяжелого дыхания.

Но затишье длилось всего секунду!

Он появился в дверном проеме. Не знаю, с какой скоростью метнулся, но секунды даже не прошло, а Стужев, тяжело дыша и не отрывая от меня взгляда, застыл на входе. Волосы распущены, черная шелковая рубашка смята, в глазах дикое режущее пламя ярости...

Такое нарастающее пламя нарастающей ярости!

И я как-то сразу вспомнила, что русские женщины — самые жалостливые женщины в мире на свою голову! Потому что сначала жалеем, а потом не в курсе, что с этим пожалеть делать!

Вот зря я ему это проорала, совсем зря, вот ругать же себя буду... потом. Сейчас почему-то не ругается, только страшно очень, и с губ срывается испуганный шепот:

— Печка... печечка, ну пожалуйста, забери меня! Я вообще о нем случайно просто подумала, я не сюда хотела...

— Ху! — прозвучало на выдохе, и огонек моей свечки погас.

Перевожу ошалелый взгляд с дымящегося фитилька на довольную рожу Яна, только что самым беспардонным образом затушившего мой путь к спасению, и нарастающее чувство паники захлестывает окончательно! Мама! В смысле — печка!

— Водки? — предложил довольный собой и собственной сообразительностью Навий бог.

— Да, пожалуйста, — пролепетала я.

От щедрот своей черной душонки Ян налил мне полный бокал из стоящего рядом с ним графина, бросил туда несколько малинок и протянул мне, сопроводив полным торжества тостом:

— С воскрешением, Ритка!

— Спасибо, — вежливо ответила я, взяла стакан и, выплеснув все в наглую рожу, пояснила: — Это тебе за свечку, сволочь бессовестная!

Ян ошалело заморгал, и главное, не жжет ему спирт глаза, жалость какая, а от двери прогремело громовое:

— Рита!

— Ой, мама! — испуганно вскрикнула перепуганная Ёжка без свечки.

Хотя от такого кто хочешь вскрикнет.

— Мама тут я, — меланхолично поправила Снегурочка, разглаживая салфетку на коленях.

— Судя по лицу твоего сына, можешь уже считать себя бабушкой, — ехидно вставила Марья Кощеевна, набирая себе салата в тарелку.

— Яг в нашем роду еще не было, — тоже с самым скучающим видом, словно тут каждый день появляются и исчезают чрезмерно жалостливые девицы, произнес один из мужчин.

— Неудивительно, учитывая репутацию вашей семьи, — с самой милой улыбкой произнесла Снегурочка, протягивая свой бокал сидящему рядом.

Тот встревоженно глянул на Марью Кощеевну и спросил одними губами: «Знает?» Она отрицательно покачала головой и улыбнулась. То есть по ходу тут имеет место коллективный обман Снегурки?! Оригинальная у них ячейка общества.

Ну тут уж я не выдержала и зло поинтересовалась:

— А что, у вашей семьи есть репутация?

На меня удивленно посмотрела Снегурочка и очень недобро глянуло все семейство Кощеево. Злодеюки костлявые!

А в следующее мгновение случилось страшное — у Стужева шок закончился. Просто потому что из его облика полностью исчезла оторопь, и я засекала миг, когда Князь медленно сделал шаг. Медленно и очень плавно! Совсем плавно! Так змей кольца разворачивает — медленно, очень медленно, но так угрожающе! А еще он зубы сжал, и по скулам желваки затанцевали, а еще у него полностью изменился взгляд, и я себя под прицелом почувствовала... А еще...

— С-с-стужев, д-д-давай не будем... — взмолилась, медленно пятясь.

Ян глянул на брата и поднялся, заступая ему путь.

— Ссстужев, ты мне просто выбора не оставил, я этого не хотела, я... — И еще пару шагов назад.

— Александр, тормози, — вступил в разговор Навий бог.

Князь даже не взглянул на него, продолжая неотрывно убивать меня взглядом, а я... Я не засекала момента, в который Стужев рванул ко мне. Это было как в замедленной съемке, где медленно двигались все, кроме Александра... Медленно отлетел стул, медленно взмыл от удара в челюсть Ян и полетел спиной в окно, медленно начал подниматься мужчина, сидевший рядом со Снегурочкой... И молнией оказался передо мной Стужев!

Книжка едва не выпала из рук, и я, подхватив ее, прижала к груди, окончательно потеряв свечку, потому что не заметила, куда она упала... Не было возможности глянуть, ибо перепуганно смотрела на разъяренного Князя! И он весь такой огромный, взбешенный, дико злой, и взгляд, как у удава, а я маленькая, сжавшаяся, испуганная, как кролик, и главное — бежать никакой возможности! И страшно так, что не дышу даже! Он меня убьет! Просто убьет! Он...

Где-то там на заднем фоне раздался грохот от упавшего стула, звон разбитого телом Яна стекла, ругань мужчин, вскрики Снегурочки и Марьи Кошечевны... Все это было там, очень далеко где-то, а здесь... Здесь Стужев медленно склонился ко мне и нашел губами мои губы...

Нежное, едва ощутимое прикосновение — и книга выпала из моих вмиг ослабевших рук... Упала где-то там, а здесь... здесь сильные ладони обхватили мое лицо, бережно и нежно, а теплые сухие губы, словно не веря в происходящее, начали стремительно целовать мой приоткрытый от удивления рот, нос, лоб, глаза, скулы, снова губы...

Где-то там, далеко, раздался удивленный возглас, а здесь... Здесь было слышно, как гулко и стремительно

наращивая темп, бьются его и мое сердца, все тяжелее становится дыхание, как разбивается что-то между нами, сносимое плотиной вырвавшихся эмоций...

Где-то там, далеко-далеко, все становится таким незначительным, мелким, неважным, а здесь... Здесь рвались условности, сносились доводы разума, уничтожались, казалось, незыблемые столпы запретов и нарушались все данные самой себе клятвы... Я не знаю, в какой неистовый миг его ошеломляющего поцелуя потянулась навстречу...

И вдруг где-то там, но почему-то и здесь тоже, послышалось довольное:

— Великолепно, Коша, мы получили и Ягу, и даже весьма ценный приз — книгу Хранительниц.

И волшебство кончилось! Погибло в страшных мучениях вместе с тем светлым и парящим чувством, что начало расправлять крылья в моей душе.

Медленно открыла глаза и посмотрела на Стужева... Он ответил спокойным, с долей превосходства взглядом, а на тонких, красиво очерченных губах заиграла победная улыбка.

И слова вырвались сами:

— Нет, правда, лучше бы я умерла.

Улыбка исчезла в тот же миг. Глаза заледенели, из груди Князя вырвался хрип, а следом прозвучало взбешенное:

— Что?

Что значит «что»?

— Ты деда слышал? — спросила я.

— Мм...

— Ты деда слышал? — прошептала я.

— Какого деда? — не понял Князь.

У меня глюки или у некоторых проблемы со слухом?

— Своего! — ответила зло и вообще разозлилась.

— При чем здесь дед? Какого черта ты только что сказала?! — Стужев стремительно становился невменяемым.

— А какого черта ты самодовольно лыбишься и торжествующе на меня смотришь! — прошипела злая Ёжка.

Уголки Стужевских губ дрогнули, он вновь склонился надо мной и прошептал:

— Ты ответила на мой поцелуй, Маргош.

Я открыла рот... закрыла... открыла снова и закрыла опять, смутившись под насмешливым взглядом Князя, насмешливым и таким торжествующим... А вся проблема в том, что он прав! Ответила. Забыла про все на свете и поддалась собственным чувствам. Потому что они были, эти чувства. Потому что мне нравился Александр Стужев, всегда нравился. Потому что иногда все запреты рушатся и ты узнаешь о себе то, что не хотела бы знать никогда.

— Пусти! — потребовала у Стужева. — Пойду опять самоубийство инсценировать, теперь и повод есть, разочарование в самой себе называется!

И оказалась вновь прижата к стене, а злой внук Кошечья вдруг как заорет:

— Зачем ты это сделала?!

Рванувшись, получила увеличение давления на пару жэ, лишившее даже надежды пошевелиться, разлилась и прошипела:

— Сделала что?

— Прыгнула, — судя по взгляду, кто-то конкретно приходил в ярость. — Какого черта ты это сделала, Ильева?

Мне нечего было сказать ему на это, но Князю моих слов и не потребовалось.

— Яга, да? — догадался он. — Та лужа, в которую ты пялилась с бледным видом, а потом типа вся гордая пошла мне покоряться. Так дело было?!

И взгляд у него такой стал, что мне вдруг сразу эпифания по случаю смерти старшей Яги представилась, и как-то уже совсем нервно я выдала:

— А может, мне просто жить не хотелось!

И получила взбешенный рев:

— Я тебя сам убью, Марго!

И у Стужева тормоза отказали окончательно. Схватив меня за талию, он вдруг впечатал в стену и, продолжая удерживать на уровне своего лица, заорал:

— Я убью тебя, ведьма рыжая! Заноза! Зарраза бессердечная! КАК ТЫ МОГЛА?! — Он потрянул меня и, вновь впечатав в стену, прорычал: — Как ты могла, Марго?! КАК ТЫ МОГЛА?!

Если бы не слова Кощея, если бы не весь этот ужас с шестью ведьмами, я бы никогда так не сказала, а так...

— От ненависти до любви, Коша, — злорадно и язвительно протянула. — Вот ты влюбишься, я тебя подставлю, брошу и, таким образом, будет у меня собственный ручной Кощей!

Князь замер. Застыл удерживающим меня изваянием. Затем отпустил, позволяя соскользнуть по стене вниз, и, глядя в мои глаза, произнес:

— За свои слова, Маргош, придется ответить.

— А это не мои слова, Сашунечка! — прошипела я. — Твои, дословно!

«Вот сейчас точно убьет», — мелькнула запоздалая мысль, и лицо у Стужева было такое, как у Ганнибала Лектора, если бы у него паштет из печенки любимого врага отняли, но... внезапно Князь перевел взгляд ниже, уставился на мои приоткрытые с перепугу губы...

Секунда... вторая... третья...

И тихое, едва слышное:

— Выходи за меня.

Если бы у меня была книга, она выпала бы повторно, а так просто бессильно опустили пытающиеся его оттолкнуть руки, а глаза, округлившись, потрясенно смотрели на Стужева. Стужева, который еще тише добавил:

— Пожалуйста.

Где-то там кто-то упал в обморок, где-то здесь я, сглотнув, продолжала потрясенно смотреть на Стужева.

— Ну?! — потребовал моей реакции Алекс. — Я жду твой положительный ответ.

И серые глаза вновь вернулись ко взгляду в мои прифигевшие. И смотрел Александр мрачно, решительно и зло. И да — ждал положительный ответ. Сглотнув повторно, я шепотом спросила:

— А если... нет?

— Убью!

И взгляд такой... решительный.

— То есть я должна сказать «да»? — Голос осип на последнем слове.

— И без вариантов, — подтвердил Стужев.

Сглотнула опять. Потрясла головой, потому как накрыло полнейшее ощущение нереальности происходящего, и с нервным смешком заметила:

— Оказывается, «прости» в твоем исполнении было еще ничего, с предложениями оно как-то похуже...

Хриплый рык и злющее:

— Это «да»?

Я вздрогнула от его тона. Испуганно смотрю на Стужева и понимаю — этот шутить не намерен. И мне остается или «да», или мама родная... Это уже не сказочка, это Обитель Зла эпизод четвертый... И уже как-то думается не о браке, а о необходимости выживания...

— Сстужев... — пробормотала перепуганная я.

— Я. Задал. Вопрос! — отрезали в ответ.

Исключительно из чувства справедливости решила поправить:

— Не задавал... Ты выдвинул требование и отказываешься принимать отрицательный ответ...

Сказала. Нахмурился. Осознал. Кивнул и подтвердил:

— Именно так.

Волной накатывает жуткое ощущение. Называется — допрыгалась. А у Стужева взгляд такой... страшный. И остается единственное, что можно было сказать в этой ситуации. Просто-таки единственное, хоть и убийственное:

— Нет... — прошептала я.

И зажмурилась.

И сжалась, едва услышала взбешенное:

— Все, Ритка, ты достала.

В следующее мгновение мир перевернулся!

И я завизжала, едва оказалась переброшена через стужевское плечо.

— Молчи, женщина, — зло приказали мне.

Мне приказали! А затем наградили шлепком по мягкому месту и, заткнувшись от удивления, решительно вынесли из горницы.

Последним воспоминанием о Коцеевом семействе были их ошалелые округлившиеся очи! То есть шок был не только у меня!

В следующий миг нас окружило зеленоватое сияние. А я зажмурилась от ужаса...

* * *

— Добрый день. — Вежливый голос Стужева заставил открыть глаза.

Открыла и узрела бетонный пол нашего подъезда.

— Здравствуйте, — прозвучал запинаящийся старушечий голос. — А вы... а это...

И я узнала одну из бабок нашего двора! Седьмую кару Египта! В смысле Нину Федосеевну!

— Это Ильева, живет в вашем доме, — сдал Князь. — Можно я пройду?

— А-а... — У бабули был шок. — Ммможет, лифт?

— Нет, спасибо. — Ледяной ответ.

— Ну... проходите тогда, — пробормотала бабушка.

— Премного благодарен, — вежливо ответил няшка обнаглевшая и направился к лестнице, совершенно не принимая во внимание моего на нем положения.

— Ссстужев! — завизжала я.

Несмотря на мои визги, Александр взбежал по ступеням вверх, прямо на наш шестой этаж, и ему было плевать, что к этому моменту я уже охрипла. Зато орать перестала, едва кое-кто вежливо позвонил в звонок нашей двери!

— Сссту... сту... Сашенька, ты что делаешь? — окончательно перепугалась я.

— Заткнись, — последовал злой ответ.

Дверь открыла мама. Изогнувшись, я увидела ее домашние тапочки, ну и мама потрясенно молчала. А еще на лестничной площадке открыли двери все, потому как орала я будь здоров и сериалы, похоже, перекричала.

— Добрый вечер, Ольга Владимировна, — вежливо произнес Стужев, причем таким невозмутимым тоном, словно я вовсе не была перекинута через его плечо, а стояла рядом.

— Вввечер добрый, — запинаясь, ответила мама.

— Я к вам с необычной просьбой, — продолжил Князь и погладил меня по... ноге почти, — будьте так любезны передать Ритин паспорт, если вам несложно.

— Что? — пискнула мама.

За дверью напротив кто-то с размаху сел на пол.

— Паспорт, — повторил Стужев. — Мы сегодня женимся.

Мама пошатнулась, но устояла и даже спросила:

— В смысле заявление подаете?

У меня вообще слов нет, одна паника, а Стужев спокойно так:

— Нет, Ольга Владимировна, подавать заявление нам уже поздно, мы сразу поженимся. Паспорт, пожалуйста.

Ну на этом у меня сдали нервы.

— Саша, — заорала я, — ты рехнулся?! Мама, не давай ему паспорт, он псих!

Не знаю, как ко всему этому отнеслась мамочка, но я услышала ее тихое:

— Ты... в этом уверена?

— Мама, только псих захочет вот так вот жениться, мама! Не давай ему паспорт, не...

Звук удаляющихся маминых шагов и самодовольные слова Князя:

— Маргош, это на тебя магия не действует. Исключительно на тебя. А на твою мать вполне даже.

Через минуту мама протянула ему мой паспорт!

— Спасибо, Ольга Владимировна, — безукоризненно вежливо произнес Стужев. — Мне очень повезло с тещей. До свидания.

В ответ раздалось задумчиво-потрясенное мамино:

— Александр... а вы случаем не... дизайнер?!

— И даже не гей! — прошипел Стужев.

И, развернувшись, направился к лестнице.

— Мама, — закричала я, — я не хочу за него замуж!

— Дура девка, — раздалось от лифта, — какой мужчина... Ах, какой мужчина, прямо как во времена моей молодости!

Как оказалось, там обретались все семь бабок нашего двора, и, глядя на меня, все семь утирали скупые слезы радости... Избавились!

Хотелось им хоть что-то сказать, но Стужев начал забег по лестнице вниз, причем на головокружительной скорости.

* * *

— Сашенька, п-п-пожалуйста...

— Заткнись, Маргош.

ЗАГС! На полном серьезе — ЗАГС! Кафедра, стена, ткань драпированная, умная тетенька-регистратор вещает стандартное:

— Сегодня, 13 сентября 2013 года, в отделе ЗАГС регистрируется брак Стужева Александра Мечеславовича и Ильевой Маргариты Игоревны. Дорогие новобрачные, в жизни каждого человека бывают незабываемые дни и события. Сегодня такой день у вас — день рождения вашей семьи!

— Ссашенька, я тебя очень прошу, я...

— Тихо, я сказал.

Тетенька, не замечая наших переговоров, продолжила:

— Семья — это союз любящих людей, и союз добровольный. И прежде чем зарегистрировать ваш брак, я обязана спросить вас, является ли ваше желание вступить в брак искренним, свободным и хорошо обдуманым. Прошу ответить вас, Маргарита Игоревна.

— Не-е-ет! Нет! Нет! Ни за что! Не...

Меня не слышали, вежливо улыбаясь, тетенька выдала:

— Очень хорошо. Вас, Александр Мечеславович.

— ДА! Всегда об этом мечтал.

— Ыыыыыыыы, — застонала я.

— Нехрен было самоубийство изображать! Хотела, чтобы я осознал, насколько ты мне нужна?! Так я осознал, Маргош. Наслаждайся.

Ничего не замечающая тетенька продолжала торжественным голосом:

— Учитывая ваше обоюдное согласие, которое вы выразили в присутствии свидетелей, ваш брак регистриру-

ется. И я прошу вас подойти к столу и подписями скрепить ваш семейный союз.

— Саша, Сссашунечка, Сссашечка, не надо, пожалуйста! — взмолилась я, откровенно рыдая.

Холодный взгляд Князя, и меня молча потащили ставить роспись.

Я уперлась всеми конечностями! Я приросла к полу, я... Гад гадский подхватил меня за талию, приподнял и понес к столу. После чего моей рукой расписался за меня, несмотря на то что я упиралась, пинала стол и вообще вырывалась, а после расписался сам и вернул нас на место. И все бы ничего — но на роже князевской цвела, сияла и сверкала довольная и счастливая лыба новобрачного!

А у меня просто слов больше не было. И слез тоже не было... только шок.

Тетенька же зачитала совсем торжественным голосом:

— Уважаемые новобрачные, с полным соответствием с российским законодательством ваш брак зарегистрирован. И я торжественно объявляю вас мужем и женой! Поздравьте друг друга супружеским поцелуем.

У меня просто шок. Слова... эмоции... чувства... мысли, — все плывет в мареве ужаса перед сложившейся ситуацией. Но это у меня, а Стужев... Стужев разворачивает к себе, нежно обнимает лицо ладонями, поглаживает щеки большими пальцами, вытирая влажные дорожки от слез, наклоняется и... и мир снова разделился на там и здесь.

Где-то там звучит: «Обоюдное желание молодых носить общую фамилию Стужевы узаконено. А теперь, уважаемые супруги, разрешите вручить вам ваш первый семейный документ — свидетельство о заключении вашего брака. Я вручаю его вам, Александр Мечеславович, как мужу и главе семьи. Поздравляю».

Где-то здесь одна рука Стужева отпускает мое лицо, берет что-то, кладет во внутренний карман и снова нежно обнимает меня.

Где-то там вновь слышится: «Дорогие молодожены, сегодня у вас особенный день, вы вступили в семейный союз любви и верности. Отныне вы муж и жена, создатели новой семьи и продолжатели рода своего. В семейной жизни проявляйте больше заботы, доброты, терпения и уважения друг к другу. Я желаю вам счастья, удачи и благополучия».

А где-то здесь Стужев подхватывает меня на руки и, продолжая целовать, выносит из ЗАГСа.

Где-то там играет марш Мендельсона...

Кажись, я вышла замуж...

К концу парадной лестницы эта мысль окончательно утвердилась в сознании, и едва Стужев открыл дверь, вынося меня на улицу, я оторвалась от его жадных до поцелуев губ и тихо спросила:

— Все?!

Поставив меня на ноги, Князь торжественно извлек из кармана свой паспорт, открыл, продемонстрировал свою фотку и собственно ФИО: «Стужев Александр Мечеславович». Затем достал мой паспорт, открыл и продемонстрировал мое ФИО: «Стужева Маргарита Игоревна». А после мне даже показали свидетельство о браке.

— Ссстужев, а когда они так быстро успели с моим паспортом? — слабеющим голосом спросила я. — Это магия, да?

— Взятка, — опроверг мою веру в чудо Князь, — и совсем капелька магии.

Вспомнила момент, когда, привязав меня к стулу, Стужев пригладил мои волосы, сфоткал мою перепуганную рожицу на свой телефон и, насвистывая, отправился в кабинет начальника ЗАГСа, пояснив ошарашенным подающим заявление на бракосочетание: «Она еще

в чувствах не разобралась, а ждать пока разберется, дело неблагоприятное». После чего он зашел в кабинет, вне очереди кстати, а все девчонки передумали замуж выходить и бросились бежать, женихи за ними... Я потом сама, как дура, минут десять сидела! А потом, как полная дура, еще час со ргом, скотчем заклеенным, пока Стужев, насвистывая и покачивая ногой, ждал чего-то... По ходу паспорт мой!

А потом была... свадьба. И теперь мы женаты!

— Ыыы... — сползая по стенке вниз, простонала я.

Мне казалось, что все — жизнь кончена! Я замужем! И теперь вообще конец! И...

Все оказалось хуже!

— Слушай, женщина, — Стужев нагнулся, схватил за локоток, резко поднял и от стены отлепил, а дальше, пристально глядя в мои глаза, произнес: — Как твой муж, ответственный за твою жизнь и здоровье, я запрещаю тебе сидеть на холодном. Все ясно?

Нервно кивнула, а затем с надеждой, с просьбой, с мольбой фактически:

— Стужев, а давай разведемся, а?

— Нет! — последовал злой ответ.

— Ну нет так нет... — пролепетала я и тут же опять с надеждой: — Стужев, а давай ты меня бросишь, а? Можно прямо у ЗАГСа...

Серые глаза сузились от злости и мне ка-ак ответили:

— Слушай, Стужева, а давай ты сразу заткнешься и больше эту тему поднимать не будешь?

Идущие мимо прохожие, втянув головы в плечи, прибавляли шаг. Птицы, которых даже рев моторов не пугал, взмыли и умчались подальше... К ЗАГСу подъехал белый свадебный лимузин, весь такой в украшениях и с кольцами на капоте, дверца рядом с водительским сиденьем открылась, и вышел скелетон Генри.

— Хозяин, поздравляю! — радостно начал он. — Леди Маргарита, — я испуганно посмотрела на него, и скелет уже не так радостно: — ... эээ ... сочувствую.

— Мли-и-ин, — заныла я.

Стужев, по привычке игнорируя мое согласие или несогласие, опять подхватил на руки и понес вниз по ступеням. Из лимузина орал марш Мендельсона, водитель присоединился к издевательству, добавив «Горько!». Князь на это предложение отреагировал нежным поцелуем и усадил меня в лимузин. Генри с радостным оскалом открыл шампанское, разлил по бокалам и протянул нам. У меня дрожали руки, и потому мой бокал придерживал... муж... Мама, мне страшно!

Машина двинулась с мягким шуршанием шин, Генри протянул поднос с «Раффаэлло», Стужев звякнул нашими бокалами и произнес тост:

— За нас!

Я залпом выпила.

Мужжжж... млин, мой муж развернул мне конфетку, сунул в рот и протянул бокалы Генри, чтобы тот их снова наполнил... За окнами лимузина проносился вечерний город, нам сигналили машины и улыбались прохожие, а я... я замуж вышла. Сажу на белоснежном сиденье кожаного салона, в замурзанных джинсах, рубашке не первой свежести, с растрепанными волосами и ошалевшим взглядом... и да, с печатью в паспорте!

— Классная свадьба получилась, — заметил счастливый Князь, протягивая мне полный бокал. — Быстро, здорово, без суеты и напутственных речей.

— Ыыы... — кажется, после свадьбы все тупеют, я так точно.

— У новобрачной шок, — вежливо заметил Генри.

— Ща вылечим, — уверенно заявил Стужев.

Забрал у меня бокал, отодвинул от нас поднос с конфетами, наклонился и поцеловал. Да, стало легче. Сразу.

И даже когда, привлекая меня к себе, Стужев усадил на колени, продолжая целовать, было однозначно легче. И когда сжал в объятиях и, не отрываясь от моих губ, простонал «Ритка», тоже легче было, а потом... потом Александр оторвался от меня. Уже сидящей на его коленях лицом к нему, и спросил:

— Рит, а ты чего-нибудь хочешь?

Тяжело дыша и глядя на него изумленными глазами, я прошептала первое, что в голову пришло:

— Книгу.

— О вкусной и здоровой пище? — не понял меня Князь.

— Неа, мою, ягушенскую, — пояснила я, почему-то снова прикикая к его губам.

Магия, наверное, а может, и взятка...

— Угу, — произнес Стужев, даря очередной головокружительный поцелуй. А потом резко оторвался и уже не мне: — Ужин свадебный накрыть к нашему возвращению.

— Понял, — отозвался с переднего сиденья Генри.

Зеленое сияние струйкой дыма потянулось из ладоней Стужева, окутывая нас обоих. И, глядя на перламутровые переливы, я откинула голову, подставляя шею умелым губам...

Темень перехода, тихий стон сжимающего меня Стужева, свет... бревенчатый потолок и близкое «Хм». На мне торопливо поправили рубашку, а после я, продолжающая потолок разглядывать, услышала:

— Мам, пап, познакомьтесь — моя жена, Стужева Маргарита Игоревна. Ритка...

Продолжаю смотреть в потолок.

— Ритка, соберись.

Собралась, посмотрела на Стужева.

— Не на меня, — на его губах воцарилась счастливо-ироничная улыбка, — прямо по курсу, на два локтя ниже.

Повернула голову прямо, взглянула чуть ниже — за низкими столиками сидели прямо на подушках, разбросанных на полу, Кошчевы родственники. Индивидуумов сорок! В различной одежде, от сарафанов до плащей и платьев с высокими воротниками а-ля «Дракула убейся». За ближайшим ко мне столом расположились уже знакомые Снегурка с мужем, Марья Кошчевна, тоже, по видимому, с супругом.

— Это, короче, мои предки, — проявил чудеса этикета Князь! — С ними тетка и дядя, ну ты их уже видела, это предки Яна. На остальных можешь внимания не обращать, я и сам их от силы раза три в жизни видел.

Я в шоке. Присутствующие — так же, и только Стужева море по колено.

— Пап, — крикнул он оторопевшему родственнику, — руку протяни.

Мечеслав, если рассуждать логически и от отчества Стужева отталкиваться, протянул могучую мозолистую длань — в ту же секунду золотые наручники намертво сковали нас с отцом, обнаглевшим от наглости няшки.

— Так, дополнительные меры безопасности, — объяснил мне... муж.

Затем развернулся и покинул прибалдевшее собрание.

Осталась я, прикованная к абсолютно неизвестному мне мужику, застывшая Снегурка, нервно хихикающая Марья Кошчевна и почему-то тоже тихо ржущий ее супруг. Ну, Мечеслав молча изучал меня пару секунд, после чего вежливо произнес:

— Присаживайтесь, Рита.

Медленно опустила на подложенную вторым мужчиной подушку. А отец Стужева все так же вежливо поинтересовался:

— Вас уже можно поздравить?

Две пары жадных глаз — Снегурочки и Марьи Кошчевны — нацелились на меня.

— Мне можно посочувствовать, — простонала едва слышно.

Мужчины переглянулись, и муж Кошечевны осторожно спросил:

— Так все-таки поженились?

Молча кивнула. Начало трясти. А еще все смотрят шокированно, особенно Снегурочка. А еще...

— Рита, — отец Стужева похлопал по плечу, видимо, в попытке приободрить, — понимаю, после всего случившегося вам кажется, что Александр принял несколько... мм... поспешное и основанное на негативных эмоциях решение, но...

Внезапно наверху послышался рев, затем грохот, словно там где-то в одной из комнат разошлись раскаты грома и вообще буря надвигается.

— Ой, — прошептала я, — а вообще по какому поводу собрание?

— По поводу получения книги Хранительниц Терры, — меланхолично пояснила Марья Кошечевна. — За этим фолиантом наши семь тысяч лет охотились. А вы здесь с Кошей зачем?

— За книгой, — пробормотала испуганно, осознавая весь масштаб важности учебника магии, выданного мне Ягой.

А наверху раздалось:

— Коша, не смей!

По лестнице прогрохотали чьи-то шаги.

— Кошшша! — орал Кошей.

— Попросишь у Риты, — невозмутимо крикнул в ответ Стужев, — она девочка добрая, может, и даст.

И Князь размашисто-вальяжной походкой вошел в помещение, где все, затаив дыхание, ждали развития событий.

— Все, нам пора, — весело сообщил всем Стужев, и браслеты щелкнули, отпуская меня и Мечеслава. — Ри-

туть, пошли. — Я торопливо поднялась, и тут он добил: — У нас с тобой самое интересное в браке намечается.

С размаху села обратно.

Испуганно посмотрела на Князя и слабеющим голо- сом спросила:

— Ссупружеский долг?

Мне вернули удивленный взгляд, после чего Стужев покачал головой и укоризненно так:

— Ритка-Ритка, вечно ты только об одном и дума- ешь... Я ей о духовном, о размере зарплаты, а она... Эх ты... Хотя что еще от тебя ожидать, после кина в той лживо-порнографической лужице.

Совершенно пунцовая, я поднялась, — спасибо Ме- чеславу, поддержал и помог встать, — подошла к Князю и тихо спросила:

— То есть ты мне сейчас зарплату отдавать будешь?

— Конечно, — уверенно подтвердил Стужев, призы- вая зеленоватый сверкающий дымок. — Сразу после то- го, как ты мне и супружеский долг, и проценты, и да — по кредитам, зараза бессердечная, расплатишься.

Я остолбенела, только и хватило сил спросить:

— По каким кредитам?!

— Эротическим, Ритусь, — нагло сообщил новобрач- ный, выдирая нас из сказочного мира.

* * *

Нас перенесло в дом Александра, в тот самый, в кото- ром был Генри, и едва под ногами возник ковер с длин- ным ворсом, чьи-то глотки заорали:

— Мы желаем счастья вам, и оно должно быть таким...

Ненавижу эту песню! Я скривилась, и глотки тут же сменили пластинку, заорав:

— Горько!

Новобрачный с воодушевлением взялся за дело подслащения. Но я уклонилась от его жадных до этого дела губ и огляделась. Гостиная мне была знакома — два скелета и одно привидение тоже. Узрев мой взгляд, уже вдубль пьяная троица радостно завопила:

— Сочувствуем!

Охреть! Вот просто охреть!

— Так, балаган прекратили и свалили, — решительно пресек веселье Стужев. — На сегодня свободны.

Два скелета и привидение пригорюнились.

— Свободны, я сказал! — прорычал Князь.

Привидение, ковыряя пол призрачной ногой, подняло на хозяина самый невинный взгляд и так же, ну очень невинно осведомилось:

— А вдруг вам что-то понадобится...

— Вон! — ледяным тоном приказал мой... муж.

Скелеты бросились к дверям, привидение сразу сквозь стену прошмыгнуло, и уже с улицы донеслось его обиженное:

— А раньше смотреть разрешал...

— Так то раньше, а это — жена, — резонно пояснил Генри.

— И... и в душе не смотреть, значит? — потрясенно спросило привидение.

— Жить надоело? — спросил Иван-скелет. — Он на нее сам смотреть боялся, а тебе, значит, разрешать должен?!

Дверь закрылась, отрезая от нас призрачно-скелетистую прислугу. Нет, у меня много вопросов появилось, но...

— Все, Ритка, — хрипло сообщил мне Стужев, отбрасывая учебник магии на стол, — переходим к самому интересному.

И, подхватив меня на руки, Князь понес наверх, с самой счастливой улыбкой на лице! С такой счастливой-пресчастливой, а еще предвкушающей, а еще...

— Сашша, — простонала вконец перепуганная я.

— Да, Ритусик? — глядя четко вперед и похабненько так усмехаясь, спросил муж.

— Сашшенька, а что ты сейчас делать собираешься? — Тупой вопрос, знаю.

— Размножаться, — не стал лукавить внук Кощея. — А хочешь, сообщу самое интересное?

— Ддавай, — запинаясь, согласилась я.

Александр внес меня на второй этаж, свернул к спальне, ударом ноги распахнул дверь, зашел, остановился и, весело подмигнув, произнес:

— Ты будешь заниматься тем же, Маргош. Тебя к этому теперь закон Российской Федерации обязывает.

И меня осторожно поставили на ноги. А затем...

У меня вообще появилось ощущение, что Стужев мне просто опомниться не дает и вообще ситуацию осознать, и... И мир стремительно закружился, едва Князь снова начал целовать, уже не бережно и нежно, совсем нет — ярко, страстно, прикусывая мою нижнюю губу, вырывая стон за стоном и заставляя отступать к постели. Я ощущала это, каждый шаг назад, что он вынуждал сделать. Но его пальцы на моих щеках, губы, неистово целующие, хрипкое срывающееся дыхание, — и вихрь невероятных ощущений затянул окончательно... И я не сопротивлялась, у меня окончательно сорвало крышу от его наглости, напора, страсти и... и того, как он целуется.

На нашем пути встретился столик... я сразу не поняла, что уперлась пониже поясницы, не давая сделать очередной шаг, но Стужев сообразил мгновенно, опрокидывая меня на внезапно появившуюся преграду и продолжая целовать, начал стремительно расстегивать мои джинсы. Я попыталась перехватить его руку, но... он поймал ладонь, переплел наши пальцы, поднес к губам и поцеловал каждый мой ноготок, пристально и почти с мольбой глядя в мои глаза... Ага! И я зажмурилась,

окончательно сдавшись на милость победителя, и только всхлипнула, едва Стужев вновь вернулся к поцелуям... Всхлип сменился стоном, и, как во сне, я ощутила его ладонь, скользнувшую по животу, ниже... пальцы, пробежавшие по бедру, колену, голени... сорванная с ноги кроссовка шлепнулась где-то далеко, за ней вторая... Джинсы соскользнули, заставляя ощутить холодок стеклянной поверхности столика... Как он умудрялся проделывать все это, не прерывая поцелуя ни на мгновение, ни на секунду? Словно боялся пропустить хоть один мой стон или совсем не желал, чтобы я в себя пришла...

Когда слетело белье, я так и не поняла, просто его рука вдруг оказалась там как-то внезапно и совсем неправильно. Я дернулась, замычала и получила улетный поцелуй и несколько минут на то, чтобы привыкнуть к ощущению его ладони на себе. Потому что отступить Стужев был не намерен — подождать, дать возможность успокоиться или совсем с ума сойти от его поцелуев, но только не отступить. И когда его пальцы, осторожно касаясь, начали там поглаживать, я дрожала всем телом, но попыток вырваться больше не предпринимала. Улыбнулась, тяжело дыша, поцеловал медленнее, чувственнее и подхватил на руки.

Ничто так не отрезвляет, как прикосновение прохладных простыней к обнаженной спине, при условии, что сверху накрывает очень горячее твердое мужское тело. Он даже не разделся толком — сорвал с себя рубашку, расстегнул рывком брюки и да, накрыл собой прежде, чем я даже подумала привстать. А дальше снова поцелуи, нежные, страстные, настойчивые, и едва его рука накрывает грудь, очередной мой вскрик... Он ловит его губами, пьет, как самый дикий из нектаров, и возвращает неистовым поцелуем. И вот если у меня и до этого голова кружилась, то теперь это уже просто водоворотом стало. Омутом, в котором только я, он и его ласки — жадные,

страстные, неприличные до румянца на щеках, и дыхание — мое, едва слышное, и его — хриплое, срывающееся...

Больно было. Очень больно. Настолько, что я закричала, вцепилась в его плечи ногтями, попыталась вырваться и остановилась только тогда, когда остановился он. Замер на миг, мокрый, напряженный, как струна, с каменными от напряжения мышцами, резко выдохнул и начал целовать мое лицо, забирая губами каждую слезинку, заставляя расслабиться, снова потерять нить реальности и утонуть в чем-то темном, неправильном и бесконечно приятном. Утонуть окончательно...

Я приходила в себя медленно, пытаюсь восстановить дыхание и перестать дрожать, а Стужев тяжело дышал, сжимая меня в почти болезненных объятиях, и, зарывшись лицом в мои волосы, тоже пытался прийти в себя.

А потом мне стало страшно.

Действительно страшно! От того, что произошло, от того, что Стужев получил меня, просто получил, и я даже не сопротивлялась особо. И вот теперь, когда он взял желаемое и страсть утихла, я дико испугалась того, что он мне скажет теперь... Как посмотрит... И что будет дальше... Потому что я... я... Я вдруг поняла, что боюсь открыть глаза. Открыть и увидеть его торжествующий взгляд, его наглую самоуверенную улыбку с оттенком превосходства и услышать что-нибудь вроде: «Я тебя помел, Маргош».

— Маргош, — он отстранился, приподнялся на локтях, и теперь его взгляд я ощущала, даже отчаянно зажмурившись, — маленькая моя, ты чего дрожишь?

Я застонала, закрыла лицо руками и попыталась вернуться. Попыталась, потому что некоторые все еще были сверху и в чисто физиологическом плане с отворачиванием возникали трудности и...

— Маргошенька, — он наклонился и поцеловал пальцы, — маленькая моя, единственная, рыжая, вредная и такая любимая, ну чего ты испугалась?

Затаив дыхание, я вдруг осознала, что услышала! И про единственную, и про любимую, и...

— Я тебя очень-очень люблю. — Он силой отвел руки от лица, прижал мои запястья к простыни, наклонился и нежно поцеловал, чтобы продолжить хриплым шепотом: — Правда, в данный момент я еще и очень-очень хочу, но ты знаешь, в отношении тебя сложно вычленишь что-то одно, так что я тебя и люблю, и хочу очень сильно, Рит. И... давай еще раз.

Удивленно распахнула зареванные глаза, оторопело посмотрела на довольного и собой, и мной, похоже, тоже Стужева. Но это мелочи, я вот про «давай еще раз» не поняла!

— Знаешь, долг перед родиной — вещь серьезная, и мы должны его ответственно выполнять, — продолжила офигевающая окончательно няшка.

— Стужев, ты даже не из России, — прошипела я.

— Но речь сейчас о тебе, — нагло усмехнувшись, произнес Саша.

Я улыбнулась, даже не знаю почему. Он улыбнулся в ответ, нежно поцеловал и выдохнул в губы:

— Я осторожно...

Он, конечно, осторожно, но все равно невольно поморщилась от боли. И еще очень полежать захотелось, но, не давая мне опомниться, Князь поступил по-своему — подхватил и понес в ванную. Голую. Стыдно так стало.

— Не красней, меня это заводит, — прошептал Александр, переступая через бортик джакузи.

А затем он медленно опустил в воду вместе со мной. Теплая вода обступила, согревая, расслабляя и пощипывая в некоторых местах. А Стужев... Стужев обнял,

крепко-крепко, прижался лбом к моему плечу и едва слышно прошептал:

— Ты моя, Маргош. Моя. Можешь сопротивляться, злиться, вредничать, но я никогда не отпущу тебя. Ты — моя, вся от кончиков рыжих волос и до ногтей на пальцах ног, телом, душой, мыслями своими нестандартными. Вся моя, ясно?

Чета стремно это как-то — быть замужем.

— Марго, ты меня поняла? — сердито переспросил Стужев.

— Мля-а-а, вот попала, — простионала я, трогая пальцем пенный пузырь.

Александр расхохотался, причем хохотал долго и при этом очень крепко обнимал меня. А потом, погладив по щеке, тихо произнес:

— Знаешь, это странно, но мне впервые лет за двадцать даже жить хочется, — поймал мой удивленный взгляд и добавил: — с тобой.

Мне, наверное, все это кажется... или снится... или он опять прикалывается... или... А в душе росло что-то такое счастливое, еще не веря в то, что оно там есть. Мне вообще ни во что не верилось, и только крепкие объятия убеждали, что это вроде реальность, и...

— Представляешь, мы будем спать вместе, — мечтательно продолжил Стужев, обводя большим пальцем контур моих губ, — просыпаться вместе, завтракать вместе, гулять вместе... Представляешь?

Его сияющий взгляд встретился с моим, все более шокированным.

— Стужев, — прошептала я, прикрывая грудь руками и ошарашенно глядя на него, — ты реально на мне женился?!

В ответ широкая нагло-довольная и очень счастливая улыбка. Такая счастливая-пресчастливая, довольная-предовольная.

— Правда? — Мой голос срывается.

Да, у меня шок. Мне в существование Терры и становление Ягой поверить оказалось проще, чем в это.

— Правда, Маргош. — Он потянулся и нежно прикоснулся к моим губам.

— Мля-а-а-а...

Больше сказать ничего не удалось — во время поцелуя, особенно такого, даже мычать не получается.

* * *

Свадебный торт меня впечатлил — пятирусная машина с изображением меня и Стужева в джинсах и мешками порванной одежде, но главное, в окружении марципановых розочек. Глядя на все это, я почему-то думала только об одном — кто его есть будет?!

— Ритусь, ты какую мою майку хочешь? — раздался голос Александра из спальни.

Интересный вопрос, учитывая, что на кресле лежал комплект белоснежного шелкового одеяния — пеньюар и ночная рубашка.

— Саш, да тут вроде как есть, — отозвалась я, поплотнее обматываясь полотенцем.

Он вышел из спальни, посмотрел на комплект, на меня, туда, где начиналось полотенце, снова на меня, но на этот раз в глаза, и вдруг тихо признался:

— Хочется видеть тебя в чем-то... моем. — На его губах появилась совершенно фантастическая улыбка.

И что я могла сказать на это?

— Давай майку, — покорно согласилась новобрачная.

Стужев кивнул и вдруг подхватил на руки и утащил в спальню, как самую ценную добычу. Я не визжала, я помнила про наследственную kleптоманию. И вспомнила о ней повторно, когда у меня украли полотенце, прямо с меня причем. А затем Стужев очень заботливо

надел на меня белую шелковую майку без рукавов. Старательно поправил на груди, максимально натянул вниз. Получилось ну очень короткое платьице. Тоненькое такое и самое интересное — на груди тоже тоненькое, а потому...

— Выплаты по кредитам начнем незамедлительно, — охрипшим голосом обрадовал меня... мм... муж.

— У нас там свадебный торт пропадает, — напомнила я, осторожно отступая от кредитора.

— Маргоша-Маргоша, — укоризненно произнес начинающий служащий коллекторской конторы, — выплаты по кредитам дело серьезное, требующее ответственного и своевременного подхода.

— Сашшшенька, — я отступила к двери и вообще начала осторожно покидать места банковских разборок, — сомневаюсь, что кредиты необходимо выплачивать начиная со дня их получения. Мы вообще только поженились.

— А как же погашение процентов? — невозмутимо произнес Стужев, старательно пытаясь деятельность по настижению меня прикрыть медлительностью движений.

— Какие проценты, Стужев? — возмутилась я. — Они еще даже набежать не успели!

— Что значит «набежать не успели»? — полуголый внук Кося продолжал плавное наступление. — Маргош, там все успело набежать уже через пару минут после... мм... первичных выплат.

И улыбка такая — наглая-пренаглая!

— Стужев, — я выскользнула за дверь, продолжая отступление, — это уже не возвращение кредитов, это рэкетирский наезд получается!

— Рэкет — наше все! — торжественно провозгласил Князь.

И бросился на меня.

С диким визгом я рванула от него, оббегая по периметру стол со свадебным ужином.

Меня схватили на входе в первый поворот, перекинули через плечо и потащили в спальню со словами:

— Раньше сядешь — раньше выйдешь.

— Стужев, ты сволочь! — заорала злая я.

— Даже спорить не буду, — ответила охамевшая няшка, по-хозяйски поглаживая все... что мог.

И вдруг остановился, уже как-то задумчиво поглаживая, а после выдал:

— Я же не ел сегодня.

После такого заявления я не могла не спросить:

— Вообще?!

— Да там так получилось. — Он перекинул меня с плеча на руки, развернулся и потопал к столу. — Понимаешь, утро... ты... и потом, когда ты к Ёжкам умчалась, кусок в горло не лез. А потом... — он запнулся и побелел, но все же продолжил: — уже ничего не лезло.

И прижал меня к себе. Крепко-крепко.

Стоял так, наверное, с минуту, а затем как-то совсем недобро произнес:

— Что-то я злиться начинаю, Маргош! — и добавил: — Сильно.

И на меня посмотрел. Внимательно.

Мне на его требовательный взгляд ответить было нечего, ну кроме:

— Сам сволочь.

— Ведьма, — не стал молчать Стужев.

— Кощей! — Да, мне тоже было на что злиться.

Но тут Стужев как-то так скривился, плечами перевернул и решил:

— Ладно, я с тобой после ужина разберусь.

И понес к столу.

Принес, на стул усадил, а сам вдруг сел рядом на корточки и, глядя на меня снизу вверх, очень серьезно, без намека на иронию, спокойно сказал:

— Я люблю тебя, Рита. Действительно, очень сильно люблю. Я даже представить не мог насколько. Но если ты еще раз посмеешь повернуть хоть что-то подобное — убью сам! Лично!

Мне вдруг как-то нехорошо стало, а Князь продолжил:

— И да, я в курсе, что ты замуж за меня не хотела, но только рискни глянуть на кого другого — убью!

Стало еще хуже.

— За побег или попытку от меня свалить — тоже убью! — добавил Стужев хрипло и зло.

И я, не выдержав, так же зло ответила:

— Ясно, все поняла, иду писать завещание! — и попыталась встать.

От няшки, охреневшей после исполнения супружеского долга, раздалось громовое:

— Сидеть!

Села. Ноги банально подкосились. Стужев протянул руку, погладил мои обнаженные колени, улыбнулся и вполне миролюбиво продолжил:

— В остальном обещаю быть тебе нежным, любящим, заботливым, страстным, терпеливым и верным мужем.

Улыбнулся шире, глядя на мое прифигевшее выражение лица, а затем добавил:

— Кстати, ты в курсе, что я знаком с представителями Преисподней? — Я не ответила, он ответа и не ждал, он нагло продолжил: — Это я к тому, Маргош, что рискнешь содохнуть — станешь моей собственностью навеки. Вопросы есть?

Вопросов не было. Перепуганная после порции угроз в духе Стужева, я молча потянулась, взяла тарелку с каким-то салатом типа «Перепелки в саду» и все это

осторожно, нежно и даже ласково, втерла в рожу своего охреневшего мужа!

Сидящий на корточках объект приложения ведьминских стараний застыл. Я же, убрав тарелку, все содержимое которой мило уместилось на стужевской физиономии, поставила посуду на стол, затем брезгливо вытерла нос Князя, наклонилась, мило чмокнула его кончик и не менее мило выдала:

— Стужев, я тебя, гада, все-таки люблю. Самой в это поверить страшно, но похоже таки, ты, анимешка казановная, своего добился. Так что да, я в тебя тоже влюбилась. И обещаю быть нежной, милой, доброй и любящей женой всегда, когда ты перестаешь быть наглой, самовлюбленной, кобелинистой и тиранозаврической скотиной! В ином случае, кощеюга злодейская, получишь злую, мстительную и коварную ведьму. Вопросы есть?

В ответ послышалось очень недовольное:

— Я же не настолько голоден, Маргош.

— Сам сказал, что ничего сегодня не ел, — ехидно припомнила я.

— Так «не ел» не означает «я весь голодный». — Стужев поднялся и на ощупь двинулся к ванной.

— Зато теперь ты весь сытый, — пробурчала ему вслед я.

Услышал. Остановился. Медленно повернулся ко мне... Перепелиное яйцо в разрезе этим самым разрезом проехалось по стужескому лицу, сползло на подбородок, сорвалось на мускулистую грудь...

— Дорогая, — как-то совсем недобро это прозвучало, — куда не уходи, я сейчас вернусь.

— И убьешь? — предположила я.

— Поем! — прорычал Александр, исчезая в направлении ванны.

В следующее мгновение мне стало страшно. Очень-очень страшно, просто тон у Стужева был какой-то жут-

кий. А потому я осторожно прокралась следом в спальню, и едва он вошел в ванную, торопливо начала искать... джинсы. Кроссы обнаружила сразу, как и носочки, а вот джинсов не было, но учитывая, что второй носок торчал из-под кровати, туда я и полезла в поисках.

И вот только я начала исследования подкраватного пространства, сверху донеслось:

— Нет, я догадывался, что с тобой семейная жизнь — это будет круто, но чтобы настолько... Маргош, ты потрясно смотришься сзади, мне даже есть расхотелось.

Я замерла. А там, сзади, на не буду говорить что, легли сильные ладони, и...

— Стужев! — возмутилась я.

— Да, Ритусь, — ответили мне елейным голосом.

— Стужев, прекрати противоправные действия! — У меня сорвался голос.

— Ну какие ж они противоправные? — Кое-кто начал по-хозяйски все поглаживать. — Это, ведьмочка моя, мера пресечения для некоторых, которые собирались совершить побег. — Увесистый шлепок показал, что поиски одежды не остались незамеченными.

Но затем он отстранился, вытащил красную и от смущения, и от возмущения меня, поставил на ноги, отвел растрепавшиеся волосы от лица, наклонился, поцеловал и сообщил, ласково так:

— За попытку побега заплатишь натурой, Ритусь.

У меня банально челюсть отвисла.

— Что? — невозмутимо поинтересовался мой... Стужев.

— Какой еще натурой? — спросила я.

— Этой. — Натуру накрыли рукой, чуть-чуть погладили и отпустили.

— Это которая супружеский долг? — Да, я догадливая.

— Нет, малыш, — обняв за талию, Князь резко прижал к себе и прошептал, касаясь губами мочки уха, — супру-

жеский долг отдается ночью, а расплата натурой и выплаты по эротическим кредитам производятся в дневное, утреннее и вечернее время суток.

Молча смотрю на кровать — кажется, мы обе крупно влипли.

— Так, пошли ужинать, — произнес муж и потащил меня к столу.

Ел Александр быстро. Очень быстро. Скоростное поглощение мясных салатов, фаршированной рыбы и наваристых пельменей происходило быстро, молча, уверенно. И вот я съела всего штук шесть пельмешек, а Стужев, умяв запас всей супницы, съел ложку сметаны на закуску, и вот после этого, сцепив пальцы и направив на меня укоризненный взгляд, начал с сурового:

— Ну-с, приступим.

Перезожу тоскливый взгляд на свечи — незажженные. Причем две потрясающе красивые свадебные свечи имелись, а огня на них не было! И пельменей больше не было, а они вкусные оказались, домашние... Тяжело вздохнув, я подперла щеку, на самый что ни на есть бабский манер, и устало пробормотала:

— Уйду я от тебя, Стужев, злой ты.

— Добрым и не прикидывался, — резонно подметил супруг, открывая шампанское. — Кстати, тебя впереди ожидает страшное.

— И почему я не удивлена? — Грустно так стало.

— У тебя шок, — радостно сообщил новобрачный. — К утру пройдет, Маргош. А что касается неприятного — маме звонить кто будет?

Удивленно смотрю на Стужева.

— Твоей маме, — пояснил... муж. — Моя, во-первых, в курсе, во-вторых, если за кого и будет переживать, то за тебя, но никак не за родную кровиночку.

Из всего этого я не поняла только одного и, не пожелав оставаться в неизвестности, прямо спросила:

— Саш, а почему даже моя свекровь, и та именно мне сочувствует, а?

Муж эффектно открыл шампанское, разлил по свадебным бокалам, протянул мне мой и возвестил:

— За нас!

Медленно пригубив пенный напиток, смотрю на Князя, тот с улыбкой глядит на меня поверх бокала и тоже не торопится пить.

— Саш... — Я вернула шампанское на стол, сложила руки на груди и прямо спросила: — В чем дело?

Загадочная улыбка, а после, поставив бокал рядом с моим, Александр развернулся вместе со стулом, взял обе мои ладони в свои руки и, подавшись ко мне, попросил:

— Посмотри на меня, Маргош.

Я посмотрела, мне нежно улыбнулись и, глядя прямо в глаза, Стужев негромко произнес:

— Ритусь, я люблю тебя. — Он произнес это, продолжая смотреть прямо, не отводя взгляда. — Я действительно люблю тебя, все остальное несущественно. Все остальное вообще не имеет значения, малыш. Что касается нас двоих — я постараюсь больше не обижать тебя, и я порву на части любого, кто попытается обидеть.

Молча смотрю на... мужа. Стужев нахмурился и прямо спросил:

— Не веришь?

— Не особо, — не стала скрывать я. — И вообще, очень меня это сочувствие твоего окружения напрягает, — решила быть откровенной. — А уж если и твоя мама мне сочувствует... — пауза и осторожный вопрос: — Стужев, так почему твоя мама мне сочувствует?

Страшный вопрос, да.

— А тут все просто, Маргош. — Он поднес мои ладошки к губам, поцеловал каждую, отпустил на мои колени,

взял бокал, отсалютовал мне и признался: — Просто характер у меня поганый.

И выпил шампанское залпом.

— И все? — недоверчиво спросила я.

— Ага. — Он поставил пустой бокал, снова наполнил его доверху шампанским и весело продолжил: — Ну, есть еще пара моментов, которые... мм, вызовут у тебя определенный интерес, но на фоне поганого характера — это такие мелочи.

И он залпом выпил второй бокал шампанского.

— Мама, — прошептала я, уже боясь неизведанного.

— Позвонить твоей маме? — превратно понял меня супруг. — Ладненько.

И, поднявшись, исчез в спальне. Я потянулась к бутербродам с красной икрой, но так и застыла, услышав донесшееся от Стужева:

— Ольга Владимировна, поздравляю, сегодня вы потеряли дочь!.. — пауза и торжественное: — Но обрели сына! — опять пауза и возмущенное: — Что значит один у вас уже есть? Мама, кто в наше время сыновьями разбрасывается? Что значит «вернуть вам дочь»? Извините, самому нужна, не зря же я женился. Какой развод, мама? Что значит «ей рано замуж выходить»? Не отдам, я сказал! Ах у вас был Евгений и снял с вас... Что снял? Морок?! Да какой же это морок, мама, так, простенькое ментальное внушение, никаких иллюзий я не использовал. Кто колдун? Я колдун? Мама, вы определитесь, кто я — гей, дизайнер или колдун! Ах, Евгений сказал. А у Евгения теща есть? Нету? Вот повезло мужику, не то что мне. Ольга Владимировна, мы сегодня празднуем... Не жертвоприношение, свадьбу празднуем! Не разведусь, я сказал! Так вот сегодня празднуем, а завтра с Маргаритой Стужевой мы к вам заедем. Да, она взяла мою фамилию! Нет, добровольно-принудительно, а вообще, я не спра-

шивал. До завтра, Ольга Владимировна! Да не съем я ее!
И не понаядкусываю!

Потом стало тихо. Очень.

В следующее мгновение Стужев показался в дверях, злой весь, губу покусывающий, и нервно спросил:

— А вы с вашей мамой, случайно, не родственники, а?

— Смешно, — усмехнулась я и передумала есть бутерброд.

— Я понял. — Он подошел, протянул мне трубку телефона. — Мозг выносить — это у вас семейное.

— Согласись, все-таки лучше, чем клептомания, — ехидно заметила я и взяла телефон.

А в трубке слышалось молчание и только отдаленные рыдания вдалеке, пришлось осторожно позвать:

— Алло? Мам?

И вот тут в ответ я услышала низкий хрипловатый и смутно знакомый голос:

— Здравствуйте, Рита. Это Евгений.

Испуганно смотрю на мужа, Стужев тут же подвинул стул впритык к моему, сел и теперь прислушивался. Мгновенно включив громкую связь, я вежливо ответила:

— Здравствуйте, Евгений.

Мы с Князем переглянулись.

— Как вы себя чувствуете? — последовал вопрос.

— Мм... — снова смотрю на Александра, он на меня с улыбкой, и как-то вдруг сжалось сердце, и собеседник начал терять значимость, и...

— Маргарита! — напомнил о своем присутствии Евгений.

— Спасибо, все хорошо, — поспешно ответила я, а чья-то ладонь скользнула по моей ноге, пальцы пробежали вверх и начали выписывать узоры у края маечки.

Нить разговора с Евгением начала медленно теряться в ощущениях.

— Ваш супруг сейчас рядом?